

АНДРЕЙ УЛАНОВ
ДМИТРИЙ ШЕИН

ПОРЯДОК В ТАНКОВЫХ ВОЙСКАХ?

КУДА ПРОПАЛИ
ТАНКИ СТАЛИНА

«ЯУЗА-ПРЕСС»
МОСКВА
2017

УДК 355/359
ББК 68
У47

Уланов, Андрей Андреевич.

У47 Порядок в танковых войсках? Куда пропали танки Сталина / Андрей Уланов, Дмитрий Шеин. — Москва : Яуза-пресс, 2017. — 416 с. — (Главные книги о войне. Подлинная история великих войн).

ISBN 978-5-9955-0942-4

Один из парадоксов истории заключается в том, что мы невольно оцениваем события далекого и не очень прошлого по меркам сегодняшнего дня. Так, к далекому 1941 году подходят с мерками СССР времен его расцвета. Книга Д. Шеина и А. Уланова позволяет нам увидеть настоящий сорок первый и танковые войска Красной армии такими, какими они 70 лет назад встретили агрессора на границе. Эта книга стала плодом многолетних архивных исследований независимых экспертов. Она позволит по-новому взглянуть на привычные и казавшиеся незыблемыми факты и пересмотреть устоявшиеся оценки известных событий (*Алексей Исаев*).

**УДК 355/359
ББК 68**

© Уланов А. А., 2017

© Шеин Д. В., 2017

ISBN 978-5-9955-0942-4 © ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2017

*Авторы выражают благодарность
за помощь в работе над книгой:*

- А. В. Исаеву*
- М. В. Коломийцу*
- Ю. И. Пашолоку*
- М. Н. Свирину*
- Е. Дурневу*
- А. Чистякову*
- О. Киселеву*
- А. Калинин*
- А. Карпову*

*Авторы от всей души благодарят
за ежедневный нелегкий труд
сотрудников читального зала ЦАМО,
без чьей неоценимой помощи
никогда не была бы написана эта книга*

Предисловие

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

«Благими намерениями вымощена дорога в ад» — эта хорошо известная поговорка как нельзя лучше подходит к освещению событий 1941 года и Великой Отечественной войны в целом в советской историографии. На страницах тех книг хорошие люди на отличной технике, созданной теплыми мозолистыми руками, утром рокового дня 22 июня радостно вышли по тревоге навстречу врагу. Армия и страна долго и напряженно готовились к надвигающейся буре. Непонятно было только, как при таком раскладе немецкие танки без наклонной брони и дизельных двигателей доехали до Ленинграда, Москвы и Ростова.

Побудительные мотивы певцов теплых мозолистых рук в общем и целом понятны. Думали прежде всего о том, чтобы не обидеть ни производителей, ни военных. Как говорил герой популярной кинокомедии «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» люмпенизированный пролетарий Федя: «К людям надо относиться мягше, а на вещи смотреть ширше». К тому же производители и военные в СССР могли сами писать свою историю за счет ангажированных и прошедших строгую цензуру мемуаров и даже исторических исследований. Как тут не вспомнить шутивную поговорку «Сам себя не похвалишь — ходишь как оплеванный». В каждой шутке, как известно, есть доля шутки. Остальное — чистая правда. Принцип же самопиара всерьез становился руководством к действию. Успехи преувеличивались, промахи и системные ошибки приу-

меньшались, а то и вовсе замалчивались. Разгулу «сам себя не похвалишь» способствовало отсутствие доступа к первичным источникам у независимых исследователей. Даже откровенный бред и выдумки опровергать было нечем и нечем.

Опять же, нельзя забывать о том, что «холодная война» побуждала делать хорошую мину при плохой игре. Признание серьезных ошибок и даже провалов в военном строительстве в 1930-х и 1940—1941 годах могло вызвать некоторую потерю доверия к «несокрушимой и легендарной, в боях познавшей радость побед» армии и советскому ВПК в разгар противостояния с Западом. По крайней мере, так могло тогда казаться тем, кто использовал историю страны как часть идеологии. Ведь если в реальном 1941 году в проектировании, производстве и эксплуатации техники были допущены серьезные упущения, то почему эти (или подобные) упущения не могли быть допущены снова и снова уже при создании танков нового поколения с лазерными дальномерами и автоматами заряжания? Столь же крамольным было признание серьезного отставания в технике и технологии. Убаюкивание населения сказаниями о нашем безусловном лидерстве в областях стратегии, конструирования боевой техники и отсутствие аналогов в мире представлялось полезнее для воодушевления масс. Объяснения произошедшей в 1941 году катастрофы замыкались на частные и личностные факторы. «Расстреляли 40 тыс. командиров, а остальных связали по рукам и ногам страхом...», «все случилось из-за запрета Сталина на приведение в боевую готовность», «разведка докладывала, а Сталин не верил...». Разведка, между прочим, оказалась в первых рядах тех, кто реализовывал принцип «сам себя не похвалишь...».

«Культ личности», к слову, был очень удобным объяснением. Он был преодолен с публичным раздиранием рубахи на груди, реабилитацией пострадавших и т. п. «Воронки», опять же, по ночам по улицам пребывавших в дреме «застоя» советских городов за высокопоставленными партийцами больше не ездили. Все говорило о том, что фактор

«безжалостной диктатуры кровавого тирана, не считавшегося ни с чьими мнениями», решительно преодолен и уже не поставит страну и армию на грань катастрофы. А если армия и промышленность и в «грозовом июне» были хороши, то в случае новой войны предпосылок для неблагоприятного развития событий попросту нет. Объяснения событий рокового лета 1941-го, в сущности, сводились к нескольким «мальчишам-плохишам», которые не поверили Зорге и по косной недалекости отказались от спасительных противотанковых ружей, пистолетов-пулеметов и других образцов доморощенного вундерваффе. Список же чаще всего возглавлял главный «мальчиш-плохиш», вынесенный из мавзолея после XX съезда. Все остальные были в белых одеждах. Просто не нашлось мужества на признание наличия неких более глубоких процессов и действующих факторов, охватывавших многих людей безо всякого культа личности. На выходе вместо взвешенных исследований собственной истории получился пропагандистский лубок в самом худшем смысле этого слова.

Наказание за халтуру последовало с неотвратимостью падающего по приговору Революционного трибунала ножа гильотины. Создателям лубка не удалось защитить бойцов и командиров 1941 года, хотя эта цель ими и декларировалась. Наоборот, после того, как исчез идеологический диктат, как грибы после дождя, начали расти различные теории, устранявшие очевидные внутренние противоречия лубка. В итоге в постперестроечные годы те, кто реально водил в бой технику 1941 года, оказались в роли неудачников, за редким исключением. Их стали представлять то жертвами агрессивных планов, то марионетками в руках недалеких генералов. В конце концов их сделали пассивными борцами с режимом, спрятавшимися за фикусами, бросившими доверенную им чудо-технику и устроившими забастовку советскому государству. Дальше ехать было уже некуда.

Хотелось бы подчеркнуть, что разоблачительные теории 1990-х и 2000-х годов не преследовали цель найти истину. Более того, даже их показной антикоммунизм оказывался

строго избирательным. Почему-то, ставя под сомнения одни факты из официоза советских времен, разоблачители принимали как истину в последней инстанции другие, хотя черпались эти сведения из одного и того же источника. Происходило это потому, что советский лубок разоблачителей нового времени вполне устраивал, по крайней мере, в основных своих идеях. Они с удовольствием опирались на рассказы о КВ, привозивших из боя по сотне отметин от снарядов без единого пробития. Иногда даже складывалось впечатление, что поменялась только роль партии, точнее, ее оценка — с безусловного жирного плюса на столь безусловный минус. Одни истовые политработники сменились другими, а иной раз и теми же самыми, бодро сменившими железную веру в идеалы марксизма на стоны о «России, которую мы потеряли».

О том, что истина мало кого интересовала в политических спорах и разоблачениях, лучше всего свидетельствует следующий факт. Один из авторов этой книги, Д. Шеин, оказывался первым за десятилетия, кто брал для изучения многие архивные дела в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске. Причем это оказывались отнюдь не скучные протоколы партийных собраний, посвященные занудному и однообразному обличению очередных «заговорщиков», «польских шпионов» и прочих «врагов народа». Это были дела, содержащие ключевые документы для понимания вопросов строительства и применения бронетанковых войск РККА, производства в СССР боевой и вспомогательной техники. Поэтому не будет большим преувеличением сказать, что перед вами книга-бомба. Многое из того, что написано в ней, вы больше нигде не найдете.

Слова про «бомбу» не являются преувеличением. Достаточно привести один пример. В советское время книги и журналы молчали, как партизаны на допросе, о провале с производством бронебойных снарядов в предвоенные годы. В 1941 году 45-мм бронебойные снаряды танковых и противотанковых пушек Красной армии оказались не в состоянии пробивать с заявленных в «ТТХ» дистанций 50-мм броню немецких танков и «Штурмгешюцев». Снаря-

ды попросту раскалывались. Значительное число немецких танков поздних выпусков оказались фактически неуязвимыми для советской 45-мм артиллерии. Этот факт был впервые озвучен исследователем М.Н. Свириным только в конце 1990-х годов. К слову сказать, замалчивание серьезных проблем с противотанковой артиллерией Красной армии в 1941 году в некоторой степени объясняет (но никак не оправдывает) появление теорий про «танковые погромы», «сбитые с бочки обручи» и склизких кровожадных монстров с генеральскими петлицами. Исходя из канонических числовых данных, результаты противостояния советских танков и противотанковой артиллерии не должны были раз за разом заканчиваться поражением.

Есть еще одна причина, по которой у нас сложилось превратное представление о предвоенном периоде. Мы вольно или невольно конструируем мир, о котором не обладаем достаточными знаниями, из подручного «строительного материала». Так, например, в «17 мгновениях весны» взаимоотношения людей внутри спецслужб Третьего рейха оказываются странно похожими на советские реалии. Штирлиц бесцеремонно забирает пастора Шлага из тюрьмы, которая подчиняется совсем другому ведомству (начальник тюрьмы в форме СС). Причем делается это по устному распоряжению Шелленберга. В реалиях Третьего рейха это было невозможно — требовалось разрешение либо лично от Мюллера, либо из Управления криминальной полиции (если пастор был осужден по их линии). Точно так же Мюллер не мог столь же бесцеремонно забрать Штирлица на несколько часов для раскладывания спичек в тюремном подвале без согласования с Шелленбергом. Напротив, в СССР сотрудник спецслужб действительно мог так поступить.

Примерно то же самое происходило с 1941 года и предшествующих ему месяцев и даже лет в нашем сознании. Мы примеряли реалии нашего времени, точнее, реалии позднесоветского периода, известного из личного опыта или хотя бы рассказов родителей и родственников, на сталинскую эпоху. Этого не нужно стыдиться, такой подход — вещь объяснимая и даже естественная.

Что получилось в итоге? Возможности советской промышленности 1970—1980 годов проецировались на реальную технику 1941 года и реальную армию 1941 года. Для СССР незадолго до его распада производство каких-нибудь бронекорпусов, дизелей, обычных, не автоматических, коробок передач было вполне по силам. Конечно, для большинства были очевидны серьезные проблемы с качеством продукции отечественной промышленности. Однако здесь была найдена очень удобная спасительная лазейка. Определенная доля разброда и шатания, охватившая общество в брежневский и горбачевский периоды, считалась невозможной во времена после 1937—1938 годов. Опять же, не без оснований считалось, что на оборону работают лучшие кадры и здесь задействовано самое лучшее оборудование. Как бы само собой подразумевалось, что «атмосфера страха» заставляла людей работать как можно лучше. Тем более что тогдашней властью признавалась в той или иной форме всеохватность ужасов репрессий. Они были ответом на многие неудобные вопросы. Так что даже те, кто не прикасался через слепую машинопись «самиздата» к фантазийному миру «Архипелага ГУЛАГ», оставались в плену представлений разоблачившего культ личности XX съезда. Статус аксиомы получил тезис о невозможности и немедленной наказуемости серьезных упущений на производстве и в вооруженных силах. В немного гротесковом виде это представление можно выразить одной фразой так: «Если уж невинных сажали, то уж реально виновных наверняка сразу разрывали на куски и пожирали их еще трепещущую плоть в сыром виде».

На самом деле та великая и по-настоящему героическая эпоха была совсем другой. Для ее понимания не нужно сдвигать на несколько десятилетий назад наше настоящее или недавнее прошлое. Понимание реалий дает изучение недоступных до недавнего времени документов. Они словно письма в будущее тех, кто делал реальные «Т-34» и «КВ», кто сидел в их башнях и за их рычагами, кто готовил и водил в бой их батальоны и полки. Д. Шейн и А. Уланов стали теми людьми, кто прочитал и ос-

мыслил эти письма. Их книга показывает, что реальные 1930—1940 годы отнюдь не были проекцией 1970—1980-х в прошлое, смешанной с практически реализованными политическими страшилками Солженицына.

Вместе с тем из вышесказанного не должно сложиться впечатление о книге Д. Шеина и А. Уланова как о сборнике темных сторон армии и военного производства. Она ни в коей мере не является аналогом «Скандалы, интриги, расследования, показать все, что скрыто». Зная документальную базу исследования двух авторов, я остаюсь при мнении, что главной причиной трагедии 1941 года является упреждение Красной армии в мобилизации и развертывании. Все остальное лишь усугубило и без того сложную для страны и ее Вооруженных сил ситуацию. Однако книга, которую вы держите в руках, все равно переворачивает наши оставшиеся во многом лубочными представления об эпохе и ее реалиях. Точнее даже будет сказать, что она расставляет факты и события по своим местам на документальной основе. Рано или поздно надо было это сделать.

А. В. Исаев

Глава 1

СКОЛЬКО НУЖНО ТАНКОВ?

24 000 и 3300. Целая пропасть между этими двумя цифрами, верно? Мало кто задумывается, что в них заключена не одна загадка, а две. И если первая — «почему у СССР было так много танков?» — известна всем, то второй вопрос — «почему же у немцев было так мало?» — задают очень немногие. А между тем ответ на него ничуть не менее интересен.

В июне 1941 года на поле боя столкнулись не просто две державы и даже не две идеологии. Проверку боем начали две принципиально разные концепции подготовки к будущей войне. Немецкий подход позволил вермахту достичь ближних подступов к Москве и зачерпнуть каской воды Волги в пылающем Сталинграде. Советский подход вошел в историю фотографиями советских солдат на ступенях взятого штурмом Рейхстага, братанием с союзниками на Эльбе и подписанием Акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии в Карлсборге победной весной сорок пятого.

Но не будем забегать вперед. Посмотрим, как все начиналось.

Итак, представьте себе, что стоите вы у окна кремлевского кабинета, усмехаясь в усы, в руках у вас трубка, набитая «Герцеговиной флор», а за окном этого кабинета — начало 30-х. Только что вы успешно «сосредоточили в своих руках необъятную власть», и теперь самое время помечтать о «грядущей Мировой Федерации Советов» и даже заранее прикинуть, чего и сколько нужно для скорейшего принятия

во всемирный Союз Советских Социалистических Республик последней республики. Это несложно — достаточно поднять телефонную трубку и сказать: «Визовите мне таварыша Тухачевского... хотя нэт, таварыша Тухачевского нэ надо. Визовите мне нашего Самого Главного Разведчика».

Через некоторое, очень непродолжительное, время в вашем кабинете появляется начальник 4-го (разведывательного) управления штаба РККА Ян Карлович Берзин. И если военные заслуги маршала Тухачевского, скажем так, неоднозначны — например, Варшаву наступающие войска Красной армии взять так и не смогли, — то авторитет Яна Карловича Берзина практически непререкаем. Берзин — руководитель советской разведки с 24-го по 35-й, фактически он и есть создатель того, что в будущем назовут ГРУ. Уж он-то все знает доподлинно. А если сам Ян Карлович сомневается в оценках, то всегда можно посоветоваться с коллегами, среди которых не только краскомы в пыльных шлемах, но и полковники и генералы Русской Императорской армии, выпускники прославленных военных академий. Время безжалостно: уже не вызвать на совещание ни умершего от тифа в 1920 году члена Особого совещания при главкоме, бывшего военного министра империи генерала от инфантерии Поливанова, ни погибшего в том же двадцатом в железнодорожной катастрофе начальника Главного артиллерийского управления генерала от артиллерии Маниковского, ни умершего в марте 1926 года от воспаления легких инспектора кавалерии РККА генерал-адъютанта Брусилова, ни профессора Военной академии имени Фрунзе генерала от инфантерии Зайончковского, ни преподавателя Артиллерийской академии, бывшего начальника Главного штаба генерала от инфантерии Михневича... но и имена тех, кто продолжает службу, вполне достойны стоять в одном ряду с ними. Например, бывший генерал-майор Генерального штаба Александр Андреевич Свечин или полковник Генерального штаба Борис Михайлович Шапошников.

— Здравствуйте, таварыш Берзин. Есть мнение, что у Советского Союза маловато республик. И било би очень